

РИТУАЛ КАК ПЛОЩАДКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЖРЕЦОВ И МИРЯН В РАННЕМ ЗОРОАСТРИЗМЕ

А. С. Миксюк

Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, г. Минск, Беларусь, miksiukas@bsu.by

Статья посвящена анализу ритуала в раннем зороастризме как комплексной площадки взаимодействия жрецов и мирян. Несмотря на отсутствие в текстах Авесты концептуальной оппозиции «жрец – мирянин», ритуальная практика демонстрирует сложную систему их функциональных отношений. Установлено, что ритуал выполнял двойственную роль: будучи механизмом разделения сакральных компетенций, он одновременно служил интегрирующей площадкой, где миряне выступали в различных ролях. Спектр ролей варьировался от пассивных благополучателей в ясне и виспереде до активных субъектов в повседневных ритуальных практиках. Ключевым фактором, обусловившим участие мирян в ритуале, являлась идея личной экзистенциальной ответственности в космической борьбе добра и зла.

Ключевые слова: Авеста; авестийское общество; жрецы; зороастризм; личная ответственность; миряне; ритуал.

Важность обрядов и ритуалов в зороастризме сложно переоценить, поскольку они имеют принципиальное значение для понимания всей религиозной системы, на что неоднократно указывали многие исследователи (к примеру, [1, р. 1; 2, р. 350]). Обладая множеством функций, ритуал выступал одновременно способом коммуникации с сакральным, средством поддержания стабильного миропорядка, механизмом социальной организации.

Традиционно проведение ритуалов понималось как исключительная сфера ответственности и прерогатива жрецов, т. е. особых специалистов, обладающих необходимыми знаниями и навыками. Неслучайно, жрецы в Авесте именовались «знающими», «сохраняющими знания»: ав. *vīdva-* (Ясна 51, 8), *magəθna-* (Яшт 5, 86; Яшт 16, 17). При этом многозначность ритуала приводила к тому, что он не мог не затрагивать жизни всей общины в целом и отдельных ее членов в частности: жизнь человека была строго регламентирована и ритуализована [3, с. 109]. Данное противоречие между формальной монополией жрецов на ритуал и его фундаментальным значением для общества создает возможности для более широкого взгляда на ритуал как возможную площадку взаимодействия между носителями сакрального знания (жрецами) и рядовыми верующими (мирянами). Под мирянами мы понимаем членов общины, разделяющих все положения религии, но, в отличие от жрецов, не являющихся профессиональными религиозными служителями. Таким образом, данная статья

представляет собой попытку оценить ритуалы раннего зороастризма с точки зрения взаимодействия в нем различных субъектов. Исследование построено преимущественно на текстах Авесты, сакральной книги зороастризма и одного из древнейших письменных источников по истории как данной религии, так и иранских народов в целом.

Подобная постановка вопроса имеет свои сложности, поскольку тексты Авесты не содержат прямого противопоставления «жрец – мирянин» и, более того, при наличии жреческой терминологии в Авесте отсутствует сам концепт «миряне». При этом, бесспорным является тот факт, что любая религия невозможна без мирян, представляющих основную массу членов религиозной общины. Более того, именование жрецов как «знающих» косвенно указывает на существование иной, «незнающей» категории. Данная категория может быть представлена, с одной стороны, жрецами иных, неавестийских культов, а, с другой стороны, мирянами, чья роль определялась не сакральным знанием, но иными формами религиозной активности. Данный парадокс в определении оппозиции «жрец – мирянин» составляет ключевую проблему исследования и требует анализа самих основ зороастризма, ритуальных практик, особенностей структуры и функционирования общества, описанного в Авесте. В этой связи отметим, что данный аспект ритуальной практики зороастризма, включая взаимодействие жрецов и мирян, на авестийском материале мало изучен и фактически не выступал в качестве предмета специальных научных исследований.

Прежде всего, отсутствие в Авесте концепта «миряне» и прямых упоминаний о мирянах как об обособленной категории верующих может быть объяснено несколькими фундаментальными причинами.

Во-первых, будучи собранием ритуальных текстов зороастризма, Авеста преимущественно раскрывает темы и сюжеты, имеющие отношение к сакральной истории, мифологии и жреческим функциям. На это справедливо указывает, в частности, британская исследовательница С. Стюарт: «сохранившаяся религиозная литература, а именно дошедшая до нас часть Авесты, в основном касается вопросов, относящихся к компетенции жречества» [4, р. 2]. Ритуал относился к сфере полномочий жрецов, которые несли «корпоративную ответственность за религиозную жизнь общины» [5, с. 133], следовательно, миряне как отдельная категория фактически отсутствуют в сакральных текстах.

Во-вторых, модель социума акцентировала внимание на гармоничном взаимодействии всех элементов, а не их противопоставлении. На первом этапе, отраженном в Гатах, социальная организация была представлена жрецами (*zaotar-*) и животноводами (*vāstar-*). На втором этапе, в Младшей Авесте, формируется трехчленная социальная организация

(*āθravan*, жрец; *raθaēštā*, воин; *vāstryō fšuyant*, земледелец-животновод) и отмечается тенденция к появлению четвертого элемента (*hūiti*; *hūtay*-, ремесленники) [6, с. 44]. Таким образом, к категории мирян в Авесте могут быть отнесены не-жрецы, т. е. животноводы (*vāstar-*) в Гатах, а также воины (*raθaēštā*), земледельцы-животноводы (*vāstryō fšuyant*) и ремесленники (*hūiti*; *hūtay*) в Младшей Авесте. Данная модель была построена по принципу взаимодополняющих космических и социальных функций всех групп (трифункциональная теория Ж. Дюмезиля [7, с. 25–26]), идее личной и «корпоративной» ответственности, а не противопоставлению «жрец – мирянин», т. е. все члены общества были ответственны за поддержание миропорядка, каждый на своем уровне.

В-третьих, многие исследователи отмечали интеллектуальную сложность, абстрактность и, в конечном счете, элитарность учения Заратуштры, далекого от более простых духовных потребностей масс [8, р. 33; 9], что также приводило к исключению мирян из жреческих ритуальных практик. Кроме того, ранний зороастризм по своей природе имел необщинный характер. И хотя прозелитизм не был чужд вероучению в целом (вероятно, даже входил в круг обязанностей жречества), в зороастрийских ритуальных практиках не обнаруживаются регулярные коллективные богослужения, в рамках которых жречество могло бы обращаться к мирянам.

Характерно, что такие сложные литургические церемонии, как *ясна* (ав. *yasna*) и *висперад* (ав. *vīspere ratavo*), составлявшие смысловое ядро зороастризма, имели закрытый характер, т. е. данные ритуалы проводились жрецами без непосредственного участия мирян. Присутствие в ритуале иных участников помимо жрецов не имело смысла, поскольку гарантией эффективности ритуала выступала именно техническая грамотность жрецов, что неоднократно упоминается в Авесте (*Ясна* 34, 12; *Ясна* 48, 9 и др.). В этой связи отметим, что существовал особый термин, обозначающий тех, кто неверное исполнял ритуал – ав. *ašetaoša*, дословно «заблуждающийся в порядке/истине» (*Ясна* 9, 18 и 31; *Ясна* 16, 8; *Яшт* 1, 10; *Видевдат* 4, 49 и др.). Если ритуал совершал не истинный жрец, а «заблуждающийся», то это могло негативно повлиять на благополучие общины, поэтому такого исполнителя ритуала следовало покарать смертью (*Видевдат* 9, 56).

При этом чрезвычайно важная цель данных ритуалов – поддержание стабильности миропорядка и благополучия общины – затрагивала, по сути, всех членов общества. Следовательно, хотя ритуалы проводились жрецами от имени общества (*Ясна* 68, 12), иные члены общины могли рассчитывать на получение благ. Отношения между жрецами и мирянами строились по принципу сакральной договоренности: жрецы обеспе-

чивали ритуальную связь с высшими силами и поддержание миропорядка, миряне, вероятно, создавали материальную основу для успешного выполнения жреческих функций и являлись получателями благ, в чьих интересах в том числе ритуалы и проводились. Таким образом, религией создавались и обеспечивались границы «культурной модели» общества [5, с. 91].

И хотя миряне не участвовали в указанных литургических церемониях напрямую, они «присутствовали» на смысловом уровне ритуале.

Тем не менее, идеология Авесты создавала возможности для прямого участия в ритуале не только жрецов, но и мирян, что было связано с идеей личной экзистенциальной ответственности. Согласно зороастрийской традиции, каждый человек совершал свободный выбор в пользу одного из космических начал (порядка или хаоса, добра или зла) по аналогии с выбором, совершенным самими первичными сущностями (Ясна 30, 3–5), и нес личную ответственность перед высшими силами. По меткому выражению В. Хеннинга, Заратуштра осознал «индивидуума в качестве свободного волеизъявителя, чьи решения определяют конечные судьбы вселенной» (цит. по [9]). Данное волеизъявление требовало от человека активной жизненной позиции, а ритуал становился той площадкой, где эта активность могла найти выражение.

Непосредственное участие мирян в ритуале могло проявляться в нескольких формах: в качестве объекта или субъекта ритуала.

Ярким примером ритуала, в котором миряне могли выступать в качестве объекта действий жреца, являлся ритуал очищения. Хотя некоторые правила ритуалов очищения восходят к индоиранской эпохе [10, с. 55–56], в системе зороастризма данные ритуалы заняли особое место в связи с тремя аспектами религиозной традиции: фундаментальной идеей дуализма, представлениями о сакральности стихий и необходимостью борьбы с любыми проявлениями зла и хаоса, к которым относились болезни, мертвая материя, вредоносные насекомые и пресмыкающиеся (ав. *xrafstra-*) и др. Таким образом, понятия «чистого» и «нечистого» имели ритуальное значение [11, р. xxv]. Характерно, что ритуалы и общие правила очищения описаны в Видевдате, т. е. «против дэвов данном» законе (ав. *vī daēvā dātəm*), где дэвы обозначали абстрактных и материальных злых сущностей.

Любой человек должен был заботиться о сохранении собственной чистоты, чистоты стихий и предметов материального мира, а также избегать любого контакта с нечистой материей. В случае соприкосновения с нечистым, следовало пройти через ритуал очищения. Жрец, обладающий соответствующими знаниями и навыками, выступал в качестве исполнителя ритуала, а мирянин – в качестве объекта ритуала, который подчи-

нялся действиям жреца (Видевдат 9). Тем самым, взаимодействие жреца и мирянина приобретало личностный оттенок: если большие литургические церемонии (ясна, висперад) несли благополучие всему миропорядку, а в роли благополучателей выступала вся община, то ритуалы очищения были направлены на защиту, прежде всего, конкретных индивидов.

Одновременно можно отметить «примечательное различие между ежедневными и регулярно повторяющимися ритуалами, выполняемыми жрецами, и ритуальной жизнью мирян-зороастрийцев, которая носит частный или семейный характер» [2, р. 351]. Необходимость активной жизненной позиции в условиях борьбы добра и зла приводила к тому, что любой верующий должен был иметь возможность самостоятельной защиты от каких-либо проявлений зла. Эту защиту предоставляли, прежде всего, молитвы. В частности, в Авесте описывается эффективность молитв против дэвов и различных врагов авестийского общества (Ясна 61, 2–4; Яшт 3, 5; Видевдат 19, 2).

Также миряне могли проводить простые ритуалы, связанные с поддержанием чистоты тела, окружающих предметов и сакральных стихий. К примеру, фаргард 17 Видевдата описывал действия, которые надлежало совершить при обрезании ногтей и стрижке волос, поскольку они рассматривались в качестве мертвой материи и при бесконтрольном выбрасывании могли привести к появлению дэвов и вредоносных существ (Видевдат 17, 3). Правила данных ритуалов определялись жрецами, однако миряне были автономны в их проведении. Таким образом, в бытовых ритуалах миряне были основным действующим субъектом, совершающим ритуальные действия без участия жреца.

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на отсутствие в текстах Авесты прямой оппозиции «жрец – мирянин», ритуал, очевидно, выступал механизмом их разделения, четко разграничивая сферы компетенции: жрецы, в отличие от мирян, формировали сакральную традицию, обладали полноценными ритуальными полномочиями и несли ответственность за религиозную жизнь общины.

Таким образом, условная оппозиция «жрец – мирянин» в раннем зороастризме носила не концептуальный, а функциональный характер. При этом ритуал выступал в двойственной роли, поскольку ритуальное пространство одновременно имело и интегративный характер той площадки, на которой жрецы и миряне могли взаимодействовать – опосредованно или напрямую. Участие мирян в ритуале определялось идеологией Авесты: прежде всего, идеей личной экзистенциальной ответственности и необходимостью придерживаться активной жизненной позиции в борьбе мировых начал.

Обращение к ритуальным практикам, описанным в Авесте,

позволяет выявить различные формы взаимодействия жрецов и остальных членов общины. В сугубо жреческих ритуалах (литургических церемониях закрытого характера, таких как ясна и висперад) миряне не принимали прямого участия, хотя и были получателями благ. В иных ритуалах прямое участие мирян подразумевало различные взаимоотношения между ними и жрецами: миряне могли выступать в роли как объекта (ритуалы очищения), так и субъекта (простые бытовые ритуалы).

Таким образом, ритуал в раннем зороастризме не только решал сугубо религиозные задачи, но и представлял собой социальную площадку, на которой выстраивались и воспроизводились отношения между различными группами авестийского общества. Многообразие форм участия мирян в ритуальной жизни демонстрирует гибкость этой системы и ее значение для поддержания как космического, так и социального порядка.

Библиографические ссылки

1. *Stausberg M.* Contextualizing the Contexts. On the Study of Zoroastrian Rituals // *Zoroastrian rituals in context* / ed. by M. Stausberg. Leiden – Boston : Brill, 2004. P. 1–56.
2. *Jong A. de* Sub specie maiestatis: Reflections on Sasanian Court Rituals // *Zoroastrian rituals in context* / ed. by M. Stausberg. Leiden–Boston : Brill, 2004. P. 345–366.
3. *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М. : Наука, 1986.
4. *Stewart S. R. A.* On the role of the laity in the history of Zoroastrianism : diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. School of Oriental and African Studies, University of London, 1998.
5. *Доусон К. Г.* Религия и культура / пер. с англ., вступ. статья и коммент. Кожурина К. Я. СПб. : Алетей, 2000.
6. *Миксюк А. С.* О некоторых аспектах социальной организации и функционирования авестийского общества // *Веснік Гродзен. дзярж. ун-та. Сер. 1, Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія.* 2015. № 2. С. 39–45.
7. *Дюмезиль Ж.* Верховные боги индоевропейцев. М. : Наука, 1986.
8. *Williams Jackson A. V.* Zoroastrian studies. New York, 1928.
9. *Лелеков Л. А.* Авеста в современной науке // *Зороастрийская община Санкт-Петербурга.* URL: <http://zoroastrian.ru/en/book/export/html/829> (дата обращения: 04.10.2025).
10. *Бойс М.* Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. : Наука, 1987.
11. *Choksy J. K.* Purity and Pollution in Zoroastrianism: Triumph over Evil. Austin : University of Texas Press, 1989.